

РОМАН КВЕТНЫЙ

РОЗОВАЯ ГОРИЛЛА и другие рассказы

16+

Роман Кветный
**«Розовая горилла»
и другие рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кветный Р.

«Розовая горилла» и другие рассказы / Р. Кветный — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книжечка для моих близких: моей семьи и моих друзей. В ней собраны некоторые воспоминания и «сказки», которые я много лет пишу под новогодние праздники и рассылаю друзьям. Здесь нет ничего про политику, практически не вспоминаются те люди, которые живут рядом со мной. Ведь можно о ком-то сказать больше или лучше, о ком-то субъективно и вызвать обиды, а я никого не хочу обижать. Какие-то эпизоды и образы из «сказок» будут узнаваемы, какие-то придуманы... Юношеский авантюрный роман «Конь», написанный вместе с моим студенческим и армейским другом Анатолием Мышковским во время службы в армии в конце 70-х в посёлке Озёрное, кое-какие стихотворения тех времен...

Содержание

Вместо предисловия	6
Откуда я произошел	8
Портрет старого еврея с кубком	17
Chek out	20
Авасик	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Посвящается моей семье и друзьям...

Вместо предисловия

Сомнений когтистая лапа
Бросает рукопись в хлам...
Хочу, чтобы цвет и запах
Присущ был моим стихам.
Хочу, чтоб слова метались
По ним табуном лихим,
И долго не засыпалось
Под грохот копыт строки...

Анатолий Мышковский

Итак, я решил издать эту книжечку...

Удивительно для противника графомании и дилетантства!

Всю жизнь я прожил в Виннице и первые мои годы прошли в старинном районе Иерусалимка на берегу Южного Буга. Сейчас я живу в большом доме в пятидесяти метрах от дома моего детства. Такое счастье выпадает далеко не всем. Я не буду описывать свои первые воспоминания, в них нет ничего примечательного, как и в моем детстве и юности: обычная жизнь еврейского мальчика из семьи педагогов. Хорошо учился, очень быстро решал математические задачки, играл в КВН, собирал марки, любил спорт, пробовал писать стихи, имел много друзей...

В семидесятые мы жили беззаботно, иногда вступая в легкие стычки с тоталитаризмом, которые, к счастью, ни для кого из моих друзей ничем серьезным не обернулись, а ведь, например, за такие стихи Вите Кирьякову можно было угодить за решетку:

Крякает утка в камышах зеленых,
Разговаривает с Богом на своем языке...
Сюда бы этих, партийных, в погонах,
Чтоб расстреляли ее на реке...

В институте я играл и режиссировал студенческий капустник ко Дню Космонавтики, из-за которого чуть не был исключен из комсомола за несколько шуток, переключившихся с изречениями Ленина. С кем меня только не сравнивали комсомольские вожди, обзывая чуть ли не фашистом. В итоге отделался строгим выговором, а если бы исключили, то на научной и любой другой карьере в СССР можно было ставить крест.

Где сейчас эти вожди? Всех их смела революция. Хотя, конечно, кто-то из тех, стыдивших и изгалявшихся тогда, приспособился и к новым реалиям. Мы к этим неприятностям относились легко, как к приключениям, и даже бравировали, представляя себя борцами за демократию и свободу. Молодыми быть хорошо при любом строе...

Институт, армия, работа на кафедре в институте, защита кандидатской диссертации, потом докторской, многолетнее заведование кафедрой... Мне везло с должностями и званиями: в армии никогда не был ефрейтором, сразу стал младшим сержантом, потом сержантом; не работал младшим научным сотрудником – сразу стал старшим; не был ассистентом в университете – сразу после защиты кандидатской стал старшим преподавателем, потом доцентом, быстро защитил докторскую и получил аттестат профессора...

Я очень люблю путешествовать и за свою жизнь объездил много городов, стран, континентов, но, где бы я ни был, всегда через неделю-другую меня тянуло в мою Винницу, словно какая-то крепкая не рвущаяся нить связывает меня с этим городом. Много раз передо мной и

в юные, и в зрелые годы открывались заманчивые перспективы в других городах и странах, но я всегда оставался тут. И никогда об этом не пожалел. Это мой осознанный выбор – Винница!

Моих многочисленных друзей и учеников разбросало по свету. Благо, в век высоких технологий связь с ними поддерживать стало легко. Эта книжечка для моих близких: моей семьи и моих друзей. В ней собраны некоторые воспоминания и «сказки», которые я много лет пишу под новогодние праздники и рассылаю друзьям. Здесь нет ничего про политику, практически не вспоминаются те люди, которые живут рядом со мной. Ведь можно о ком-то сказать больше или лучше, о ком-то субъективно и вызвать обиды, а я никого не хочу обижать. Какие-то эпизоды и образы из «сказок» будут узнаваемы, какие-то придуманы... Юношеский авантюрный роман «Конь», написанный вместе с моим студенческим и армейским другом Толей Мышковским во время службы в армии в конце 70-х в посёлке Озёрное, кое-какие стихотворения тех времен...

Как говорится, чем могу...

Откуда я произошел

Мой отец был человеком, которого очень любили в нашем городе. Определяя, каким он был, я скажу просто – добрым и мудрым. Эта доброта доходила до того, что он учил меня помогать всем людям вне зависимости от того, знаешь ты их или нет, плохие они или хорошие. Отец был историком, Учителем. Дело не в том, что, работая в педагогическом институте, он вырастил много поколений учителей, и даже не в том, что он преподавал, а в том, что он показывал людям какими они должны быть, как надо относиться друг к другу.

Обладая замечательным ораторским талантом, он умел прочитать увлекательную лекцию на любую, самую скучную тему. Выходец из очень бедной многодетной еврейской семьи из белорусского местечка Василевичи, он искренне верил в гений Ленина и справедливость его учения. Ему представлялось, что ни он, ни его братья и сестры и их дети ничего бы не добились (а среди них есть академики, профессора, лауреаты государственных премий, главный редактор газеты, главный конструктор крупного завода и т. д.), и вряд ли смогли бы преодолеть «черту оседлости», если бы не революция.

Сегодня я уверен, что это не так, потому что, повидав много людей и стран, могу сказать, что должность простого профессора провинциального института, а это был тот максимум, который могла, при всем желании, выделить ему советская власть, никоим образом не соответствовал его таланту трибуна, сенатора и философа. Уважение и любовь людей он бы заслужил при любой власти. От его разума и авторитета не могли отмахнуться даже местные партийные руководители (многие из них учились у него в институте и неизменно попадали под магию его личности). Для себя ему было очень мало, и я помню, как к нам в дом приходило очень много людей нуждавшихся в его помощи и совете. Он помогал всем: кому просто советом, кому устроиться на работу, кому избежать снятия с работы или выговора за какие-то прегрешения, кому попасть в институт (напомню, что в годы советской власти для евреев, да и просто для любых детей, не имевших властной поддержки, это была большая проблема вне зависимости от их знаний). После смерти отца я ощутил себя либеро – «последним защитником» (есть такое понятие в футболе), за которым уже никто ничего не сможет исправить. Сегодня на папину могилу приходят разные люди, разной веры, разных идеалов, кого-то из них я уважаю, кого-то нет, но всю жизнь везде, где отца видели, знали, общались с ним, меня воспринимают как сына ТОГО КВЕТНОГО, и это не зависит от смены общественного строя, это нельзя купить за деньги и этому всегда надо соответствовать. Даже на фуршете после моего избрания в Национальную академию педагогических наук Украины один из академиков вдруг сказал, что учился в Винницком пединституте и Наум Соломонович был его любимым преподавателем.

Мама моя, первая красавица нашего города, талантливая скрипачка, чья карьера исполнительницы была оборвана войной, когда она, одна из самых способных студенток киевской консерватории, вынуждена была, бросив все, бежать с бабушкой в эвакуацию в Среднюю Азию. После войны, с маленьким сыном на руках (моим старшим братом) продолжать учебу было невозможно, и она проработала все годы преподавателем Винницкой музыкальной школы, воспитав при этом целую плеяду талантливых учеников, которые сейчас преуспевают не только на наших сценах, но и в Австрии, Израиле, Австралии, США... Великолепная хозяйка, мать и жена, очень красивая женщина с сильным, строптивым характером.

Еще немного о моих предках. Мамин отец, Иосиф Павлович Мильнер, был легендарным Винницким бухгалтером, который двадцать лет проработал главбухом треста ресторанов и столовых. На сетования бабушки о том, что на такой должности другой давно бы был богачом, дед неизменно отвечал: «Зато я на свободе». Он любил хороший коньяк, но не любил нарушать

законы. В моей памяти он остался волшебником, бравшим на счетах корень из шестизначного числа, гладко выбритым, седым, высоким, чуть сутуловатым красавцем, который курил папиросы «Казбек», пах одеколоном «Шипр», никогда не повышал голос и давал мне по воскресеньям железный рубль. Бабушка Ида когда-то была красавицей и танцевала в юности на балах в имени графа Грохольского, что находилось рядом с ее родной Стрижавкой. Она открыла XX век, родившись 1 января 1900 года, и прожила в нем нелегкую жизнь, пережив революцию, войну и смерть деда. Ее отец был состоятельным стрижавским торговцем, но не верил, что такой культурный народ, как немцы могут поголовно уничтожать евреев, отказался эвакуироваться и был расстрелян со всей семьей вместе с другими евреями в январе 1942 года во время акта «зачистки» гестапо мест, где строилась ставка Гитлера. Я поставил памятник всем этим людям на месте расстрела у стены Стрижавской исправительной колонии.

Очень колоритной фигурой был и мой дед по линии отца – Соломон Кветный. Он дожил до девяносто четырех лет (вполне мог прожить и больше, так как имел мощнейший генетический настрой на долголетие), был похож на библейского мудреца, в соответствии со своим именем, вырастил семерых детей и оставался для них до конца дней непререкаемым авторитетом. А ведь среди его потомков только профессоров было трое.

Рассказывая о себе, не могу не коснуться своей любви к путешествиям. Недавно подсчитал, что успел побывать в 55 странах и моё вступление будет неполным, если не поделюсь хоть маленькой толикой своих впечатлений...

Очень люблю Париж. Уже на второй день пребывания, я ощутил себя здесь своим. Мне очень легко было разбираться в хитросплетениях Парижских улиц, где каждое название напоминало о «парижских тайнах», мушкетерах, импрессионистах и королях. Я одинаково любил Монмартр с его художниками (в моей коллекции картин есть городские пейзажи Парижа, купленные на Монмартре), Нотр Дам де Пари и набережные Сены, музей импрессионистов Д'Орсэ и Версаль, Большие Бульвары и Люксембургский сад, «Мулен-Руж».

Когда я планирую свои зарубежные поездки, и можно хоть на полдня залететь в Париж, я всегда это делаю. У меня есть даже любимый маршрут прогулки по Парижу. Если когда-нибудь будете там, вспомните мой совет. Итак, чаще всего это бывает вечером. Садитесь в такси или автобус в аэропорту «Шарль де Голь», выходите возле Триумфальной Арки, спускайтесь по Елисейским полям через Площадь Согласия до Сада Тюильри и сквозь него пройдите к Лувру, затем по набережной Сены до Консьержери и Собора Парижской Богоматери, поужинайте в греческом ресторанчике Латинского квартала (это недорого и вкусно) на Левом берегу Сены, затем возвращайтесь на Правый берег и по улице Сен-Дени идите к центру Помпиду и фонтану Стравинского. Уже ночь? Если вы не устали и есть время, то можете гулять дальше... Вообще, мне кажется, что в Париже люди почти не спят, это касается и местных жителей.

Из множества интересных стран и городов, где я был, сразу вспоминается сказочный город на воде – Венеция; Флоренция Данте и Леонардо; колыбель религий ветхозаветный Иерусалим, где трепет охватывает даже атеистов; величие Египетских пирамид; Барселона с соборами Гауди и страстная Андалусия; уютные фестивальные Канны, рядом с вечно играющим Монте-Карло, на Лазурном берегу; сказочные игрушечные городки в Швейцарских Альпах; Злата Прага и Карловы Вары, пивные Брюссель и Амстердам... В последние годы очень любил Мадрид. Мадрид – это футбол, фламенко и живопись! В Прадо и Тиссен-Борнемисса можно ходить ежедневно. Ошеломляющий Иеронимус Босх, от картины которого «Сад земных наслаждений», по моему убеждению, пошел весь сюрреализм. Эль Греко, совершенно отличающийся от современников удивительной манерой и цветом. Гойя, особенно, последний его период, где потрясает пронзительная «Тонушая собака». Каждый народ гордится своими живописцами: Нидерланды молятся на гений Рембрандта, Ван Гога, Вермеера, бельгийцы Рубенса и Брейгелей, австрийцы боготворят Климта и помнят про Шиле и Кокошку, швей-

царцам достался Джакометти, удивительно сыгранный Джеффри Рашем в англо-американском фильме Стэнли Туччи «Последний портрет», а вот испанцам, итальянцам, французам из-за множества гениев приходится туго с выбором богов. Из направлений живописи, преклоняясь перед Босхом и Рембрандтом, я большой поклонник импрессионизма и постимпрессионизма. Бесподобен Клод Мане и сотни его кувшинок. Мечтал побывать в его имении в Живерни, но теперь, прочитав книгу Мишеля Бюсси «Черные кувшинки», мне кажется, что я уже там был – уж очень детально описано

Замечательные приключения я пережил в дебрях Амазонки, когда несколько дней жил там в лонже с перуанскими индейцами. Мой проводник, индеец Эдгар, знал язык животных и вызывал (вернее, высвистывал) то ленивца, то муравьеда, то еще какого-то диковинного зверя. Обезьяны на Амазонке прекрасные пловцы и их великое множество: от маленьких, величиной с котенка, до достаточно больших особей. Местные пресноводные дельфины длиннее обычных, без характерного плавника и розового цвета. Они плавают между затопляемых в сезон дождей джунглей, разделяя водные пространства Амазонки с кишашими там пираниями и кайманами. На пираний даже довелось порыбачить. Встречались анаконды, а вот ягуары очень осторожны и обитают в сухих дремучих местах.

Перу – очень живописная страна, в которой и земли инков с затерянным в горах городом Мачу-Пикча и самым высокогорным в мире озером Титикака (оно очень красивое, но не сравнится с Байкалом), и Амазония, и пустыня Наска с фигурами, как полагают, инопланетного происхождения, и кишашие морскими животными и птицами острова Балестас или Малые Галапагосы, и самый глубокий каньон Колка, где на рассвете парят огромные кондоры с размахом крыльев более трех метров. Между тремя вулканами в горах, там, где начинается Амазонка, стоит белый город Арекипа, в котором круглый год весна с температурой не выше двадцати пяти градусов и не ниже двадцати. В джунглях мне довелось побывать и в Коста-Рике, экзотической стране с очень дружелюбным народом. Коста-Рика расположена на узкой части центральной Америки между Карибским морем и Тихим океаном. В ней есть удивительное многообразие животных и природных явлений – джунгли, горы с бурными горными реками, вулканы, два океана...

Когда-то мой отец в составе одной из первых делегаций ученых побывал в Танзании, и я всегда мечтал посетить эти места. И вот через пятьдесят лет после него я путешествовал по Танганьике и провел неделю в заповедниках Нгоро-Нгоро и Серенгети среди саванны и живущих на воле диких африканских животных, побывал на Занзибаре и черепашьем острове, где живут гигантские черепахи. Чем дольше живу, тем больше люблю дикую природу. Позади удивительные фьорды Норвегии и Аляски, затерянный у берегов Африки Маврикий, вулканические острова в Атлантическом океане, драконы с острова Комодо, единственные оставшиеся на свете динозавры, а впереди...

И всё же, снимая шляпу перед таинствами Востока, богатством Америки и экзотикой Африки, я предпочитаю цивилизацию и культуру старушки Европы.

С детства мечтал о науке и карьере ученого. Не могу сказать, что это была моей главной мечтой. Я хотел стать спортивным журналистом, комментатором. И я по сей день уверен, что, если бы сложились обстоятельства, то мог бы стать хорошим спортивным журналистом. Но...

Отец сказал мне:

– Какая журналистика? Даже, если поступишь в МГУ и окончишь факультет журналистики, то дальнейший твой путь, скорее всего, продолжится в «Рязанской правде» и будешь комментировать районные соревнования по легкой атлетике. Вряд ли тебе, еврейскому мальчику из далекой украинской провинции, позволят претендовать на большее. Вот получается у тебя математика, решаешь задачи быстрее других детей – туда тебе и дорога.

Я и решал сложные задачки, читал книжки об Эйнштейне и Ландау, смотрел фильмы об ученых – «9 дней одного года» с артистом Баталовым про физиков-ядерщиков, ну и мечтал попасть туда, к ним, в это царство, в эту сказку – НАУКА!

Папа был блестящим педагогом в такой науке, как история, но для меня большая НАУКА ассоциировалась только с математикой и физикой.

Прошли годы, ныне я, доктор технических наук по специальности «Математическое моделирование и вычислительные методы», профессор, член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, автор многих учебников и монографий в этой области.

У меня осталось двойное чувство – вроде бы мечта исполнилась, но мир науки, как и любая реальность, оказался далек от идеала, который я представлял себе в детстве. Не могу сказать, что я особо горжусь какими-то своими работами, наоборот, часто после выхода статьи или книги не хочу их даже видеть из-за того, что понимаю, насколько это мелко и несовершенно... Может быть, я излишне взыскателен? Ведь один мой известный коллега часто повторяет своим ученикам: «Если что-то неясно из вычислительных методов, то читайте книжки Кветного...»

Но я-то знаю, о чем говорю!

Наибольшая моя гордость – это мои ученики. Я не могу сравниться со многими известными педагогами по количеству подготовленных докторов и кандидатов наук, их всего-то около тридцати, в то время, как у Анатолия Федоровича Верлани только докторов двадцать пять, а кандидатов еще в два раза больше. Но мои ученики сегодня работают на высоких должностях в Google, Microsoft, Siemens, Goldman&Sachs, они возглавляют многие IT и бизнес-компании в Украине и мире, тысячи инженеров – специалистов по компьютерным системам трудятся в разных фирмах... и не только.

Как-то, в начале 2000-х годов ко мне в офис пришла налоговая полиция и достаточно жестко начала проверять условия уплаты налогов нашими программистами, и через час такой проверки их начальник попросил меня зайти в кабинет и сказал:

– Роман Наумович, я ваш студент, учился у вас в начале девяностых, слушал ваши лекции, вы меня вряд ли помните (я и не помнил), но не бойтесь, я все понимаю и все помню, мы немного покрутимся, «погоним картину» и уйдем и все будет в порядке.

Однако всё это только вступление и главное, что дала мне наука и прожитая в ней жизнь – это знакомство и дружба со многими замечательными людьми, про которых я и хочу рассказать.

Мне повезло – я попал в это сообщество очень рано. После армии я пришел на работу в Винницкий политехнический институт (сейчас Винницкий национальный технический университет). Здесь в моей судьбе произошло событие, которое я считаю определяющим. Я встретил человека, ставшего для меня Учителем: Виктора Тихоновича Маликова. Именно он показал мне, каким должен быть мужчина, руководитель, ученый. Многих из нас, вышедших с той Маликовской кафедры автоматики и информационно-измерительной техники (я ее после него возглавляю уже 25 лет и, надеюсь, что мне удалось сохранить здесь Его дух), людей разных и непохожих, связывает его имя и общая созданная им alma mater. У Виктора Тихоновича был особый талант значительности. В первый раз, увидев его, было ясно, что это профессор, или министр, или еще кто-то, который призван руководить и выделяться среди людей. Я видел его рядом с настоящими министрами и крупными руководителями, и через мгновение все уже ясно понимали, кто здесь истинно главный. При всем этом он был очень добрым человеком (с одинаковым вниманием вникал в проблемы коллеги профессора и уборщицы), обаятельным (душа любой компании), заботливым отцом и другом. О нем можно рассказывать много удивительных историй, этот человек придавал вкус жизни и каждому мгновению.

Вот, например, я ему представляю нового инженера вычислительного центра, и этот парень заходит в кабинет к Виктор Тихоновичу, всегда с большим вниманием относившемуся к одежде и хорошим манерам, в тапочках. Я рассказываю про этого человека, какой он толковый программист и т.д. Виктор Тихонович сдвигает очки, переводит взгляд на тапочки и кивает. Потом я возвращаюсь к нему в кабинет, уже сам. И он тихо и удивленно, чуть сдвинув очки, спрашивает:

– Роман, он в тапках?

Я начинаю объяснять, что на ВЦ вычислительные машины, они не любят пыли и часто инженеры ходят в тапках, а сам этот парень хороший математик– программист...

– Он мне не нравится, – так же тихо резюмирует шеф. И самое интересное, что в конце концов он оказался прав и через некоторое время мы этого парня отправили с кафедры.

В первый год работы, сразу после моей свадьбы Виктор Тихонович решил отправить меня в командировку– надо было отвезти в Москву в ВАК документы только что защитившего диссертацию Сергея Лютворта. Особого желания ехать через неделю после свадьбы у меня не было, но, как сказал шеф, для этого поручения нужен был молодой человек интеллигентного вида, и я вынужден был подчиниться. Хотя в те годы поездки в Москву для меня были интересны: я всегда попадал либо в театры, где следил за всеми премьерами, особенно в Таганке(туда однажды на «Доброго человека из Сезуана» меня провёл через служебный ход Валерий Золотухин), либо на хоккей, где сшибка «Спартак»– ЦСКА была многолетней изюминкой сезона, а я с детства болел за хоккейный «Спартак», либо в музей, куда начали привозить мировые шедевры, и я открывал для себя Шагала и Дали, но уезжать от молодой супруги не хотелось... И мы с провожавшим меня другом, тогда студентом четвертого курса, а ныне богатым и знаменитым, Сашей Усачем, поплелись на вокзал. А надо добавить, что отец Сергея Лютворта долгие годы был в Виннице крупным партийным работником, он умер сравнительно молодым, но связи у этой фамилии остались и Сережа забронировал на своё имя для меня билет. Мы подошли к кассе, а билеты на поезд были в дефиците, увидели большую очередь, и я громко, так, чтобы докричаться до кассирши, сказал: «Бронь обкома на фамилию Лютворт!». Из очереди тут же откликнулись: «А Лютворт уже в обкоме не работает!» И Саша ответил остроумно, которая остаётся на долгие годы одной из лучших шуток, мною услышанных: «Да, Лютворт в обкоме не работает. Мало того, он давно умер, но бронь его сохранена!». Очередь расступилась, я взял свой билет и успешно съездил, передал документы, и вскоре Серёжина защита была подтверждена ВАК.

Маликов мог двумя словами перевернуть ход защиты диссертации или, например, как-то на партсобрании, когда собирались за пьянство исключить одного сотрудника и вопрос казался решённым, он вдруг встал и выступил в защиту, хоть и не был с ним близко знаком. Человека пожалели, ведь исключение из партии тогда практически ставило крест на научной карьере. А потом этот человек стал известным ученым и вырастил целую плеяду учеников в области оптоэлектроники, хоть пить и не перестал.

Так мы с Виктором Тихоновичем и не сыграли в преферанс... Только говорили про это. Помню, как, приехав из Москвы, куда он ездил с нашим коллегой Женей Дубовым, которого очень любил, жаловался, что в поезде сели играть, а «эта дубина ни зайти, ни завистовать правильно не может».

Вот я, как один из его ближайших учеников, и попал в этот профессорский мир, где познакомился с замечательными людьми, Учеными и Педагогами. Практически все они были фронтовиками, прошли войну, а в мирной жизни именно они стали той научной средой, той почвой, на которой основан послевоенный всплеск прикладной науки.

Анатолий Леонардович Грохольский-сухой седой интеллигентный потомок польских шляхтичей, зав кафедрой авиационных приборов и автоматов киевского авиационного института-признанный специалист в области измерителей перемещений.

Бенцион Иосифович Швецкий – один из создателей украинской цифровой измерительной техники, работал во Львове в Политехнике, был рецензентом первого нашего с Маликовым учебника по методам вычислений, который вышел в 1986 году. Легендарная личность. Мудрец. Его цитируют во Львове по сей день. Мне довелось побывать на его 70-летию в главном зале ученого совета Львовской политехники, где стены расписаны знаменитой картиной Яна Матейки «Триумф прогресса».

Кругленький Генрих Абрамович Штамбергер основал целое направление по автоматическим измерениям в Ивано-Франковском институте нефти и газа.

Все они приехали в 60-х годах из Новосибирска под руководством Константина Борисовича Карандеева и, разъехавшись по украинским техническим вузам, создали украинскую научную школу информационно-измерительной техники. И не только украинскую – Илья Филиппович Клисторин поехал в Кишинев и стал там профессором и академиком АН Молдавии. Илья Филиппович и стал моим оппонентом по докторской диссертации, которую я защищал уже после смерти Виктора Тихоновича Маликова в 1989 году.

Мне было тогда тридцать три года, и я сейчас уже с трудом представляю, как мне самому удалось прорваться через все препоны, которые стоят на пути к этой цели. Но сейчас мне кажется, что всё прошло очень легко, и я стал одним из самых молодых в Украине и последним доктором наук, которого утвердила Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) СССР во главе со своим знаменитым председателем Кирилловым-Угрюмовым. Все последующие уже проходили через украинский ВАК, который был создан после обретения независимости Украиной.

Кроме Ильи Филипповича моими оппонентами были очень известные люди Сергей Морицевич Мандельштам и Владимир Ильич Скурихин.

Сергей Морицевич – создатель информационной теории измерений, представитель знаменитой династии Мандельштамов, где все были учеными и инженерами, и только Осип – поэтом, был интереснейшим человеком, и мы стали достаточно близкими друзьями с его семьей. Он мог в Ленинграде остановиться в любой точке центра города и рассказывать историю каждого дома. Помню его рассказ, как они с мамой жили в тридцатые годы в громадной комнате в помещениях, примыкающих к Зимнему дворцу, в котором зал делился перегородками на 8 маленьких комнат, и каждая семья получала свою.

Владимир Ильич Скурихин был одним из руководителей знаменитого Института Кибернетики АН Украины. Это там работал один из основателей советской школы вычислительной техники и кибернетики Виктор Михайлович Глушков, там создавались первые советские компьютеры. У Скурихина в отделе работала моя двоюродная сестра Софа, которую Владимир Ильич очень ценил и именно благодаря ей мне была представлена возможность доложить в Институте Кибернетики и Владимир Ильич, который вообще редко выезжал из Киева, согласился приехать в Винницу и выступить оппонентом на моей защите.

Ведущая организация по моей работе была выбрана НПО «Система» во Львове. Я, когда летом 1989 года поехал туда докладывать, то неловко спрыгнул с поезда с рулоном демонстрационных плакатов и порвал единственные штаны. В те годы так просто купить штаны было трудно, да и денег и времени у меня не было, поэтому мой друг Саша Гиренко, сопровождавший меня в поездке, просто зашил на мне взятой на прокат в вокзальной парикмахерской цыганской иглой эти штаны, и мы пошли докладываться.

Про мою докторскую диссертацию, посвященную проблеме аналитического вероятностного моделирования сложных систем, скажу, не касаясь высокопарных фраз про вклад в отечественную и мировую науку, только то, что сделана она была достаточно добротной и как аттестационная работа удовлетворяла всем требованиям. Все доклады – и у оппонентов, и в ведущей организации, и у нас в институте, и сама защита на Совете по защитах диссертаций (кстати, сегодня я уже шестой год возглавляю именно этот Совет) проходили не просто, но не оставили у меня каких-то воспоминаний, связанных со сложностями в защите работы или в отношении

окружающих. Все было в рамках правил, хотя и достаточно напряженно, но докторские защиты просто не проходят.

То, что я сравнительно легко прошел все преграды, конечно связано с тем, что мой Учитель достаточно успел проварить меня в этой среде.

Юрий Алексеевич Скрипник – ученик легендарного Петра Павловича Орнатского, автора, пережившего много поколений и переизданий, учебника «Теоретические основы информационно-измерительной техники», воспитавшего в Киевском политехническом институте целое поколение больших учёных. Юрий Алексеевич был уникален – интеллигентнейший человек, которого можно вносить в «Книгу рекордов Гиннеса» как автора более 600 изобретений и патентов, кроме научной работы, которой он не переставал заниматься никогда, был большим ценителем женской красоты. Известна история, когда в 80-е годы к нему домой в гости наведалься с супругой один из тогдашних руководителей министерства образования, и его жена, увидев у Юрия Алексеевича на стене фотографии красивых женщин, в сердцах сказала мужу:

– Ну вот видишь, как красиво у Юрия Алексеевича, а ты всё Ленин... Ленин!..

После моей защиты докторской Юрий Алексеевич уговаривал меня:

– Роман Наумович, напишите книжку по теории погрешностей измерительных устройств и систем с учетом их вероятностных характеристик. Если Вы не напишите, то никто этим систематически не займётся...

Но я не написал, жалею, но тогда у меня уже были другие интересы.

Борис Николаевич Локотош – ученый, писатель, бывший ректор Ивано-Франковского института нефти и газа, запомнился изысканным комплиментом, сказанным одной красивой женщине с большими выразительными глазами, поцеловав ей руку, он спросил:

– Скажите, а такими глазами, наверное, лучше видно?

Юрий Константинович Филипский – один из столпов украинской радиотехнической школы. Одессит! Во всех смыслах этого слова... Вспоминается, как мы сидим в его большой квартире напротив оперного театра и обсуждаем диссертацию моего друга и ученика, работавшего одним из крупных руководителей «Укртелекома» и поэтому из-за громады дел не всегда ориентировавшегося в деталях своей диссертации. Юрий Константинович открывает какую-то страницу и показывая нам, спрашивает:

– А что вы здесь имели в виду, Володя?

Я моментально отвечаю:

– Здесь он имел в виду... – И даю подробные объяснения.

Юрий Константинович открывает другую страницу и спрашивает:

– А здесь, что вы имели в виду, Володя?

Я без промедления отвечаю:

– А здесь он имел в виду...

И мы все втроём начинаем смеяться.

Рассказывая «за Одессу» не могу не вспомнить знаменитого физика и педагога, полиглотта Альфреда Николаевича Куценко, который писал пронзительные юмористические рассказы и с вниманием читал мои «сказки». Я познакомился с ним в начале двухтысячных, когда Валерий Михайлович Шарапов, лидер черкасской школы по проектированию пьезоэлектрических преобразователей, собирал по ранней осени в благословенном Гурзуфе приборостроительные конференции, которые проходили на фоне скал Адаларов и Медведь-горы очень интересно и разнообразно. С тех пор часто встречаю уже маститых сегодня ученых, которые приезжали туда еще молодыми аспирантами и кандидатами и знают меня не только по научным докладам. Когда один из них напомнил мне, где мы познакомились, и я спросил:

– Ну и что я там делал? Докладывал?

Он ответил:

– Да, а еще прыгали со скалы в воду и рассказывали анекдоты...

Я всегда ценил в людях открытость и непосредственность. Однажды ко мне за отзывом ведущей организации приехал молодой симпатичный парень из Днепропетровска от моего друга и коллеги Александра Ильича Михалёва, я даже помню фамилию этого молодого парня – Помулев. И вот я, просматривая его действительно хорошую работу, посвященную фрактальным преобразованиям, спрашиваю:

– А вы экспериментально проверяли все ваши математические модели? Есть у вас результаты экспериментов?

– Конечно, – отвечает Помулев.

– Покажите, пожалуйста.

– Я их не привез...

– Почему?

И он очень непосредственно отвечает:

– Потому что я – идиот!

Конечно, я подписал ему положительный отзыв.

Вот так сложилось, что я, попав в эту среду совсем молодым человеком, дружил с ними и сегодня те, кто меня не видел, а только читал книжки и статьи иногда думают, что мне уже по меньшей мере восемьдесят лет.

Как-то меня знакомили с известным тележурналистом, которого я до этого видел только по телевизору, и я сказал ему:

– Я вас видел!

А он ответил:

– А я про вас слышал!

Иван Васильевич Кузьмин – это эпоха в жизни Винницкого политехнического института. Он приехал из Харькова в 1976 году, когда институт только отделился от КПИ и получил самостоятельный статус. На позицию ректора нужна была крупная известная фигура человека, который мог бы продвигать институт не только на областном, но и на всесоюзном уровне, добывать деньги, пригласить серьезных ученых. Таким стал для Винницы Иван Васильевич Кузьмин, человек сибирско-армейской закалки, обладавший большими связями (рассказывают, как он работал у Королева над разработкой систем управления ракетными комплексами), мощным здоровьем (выпить несколько бутылок водки, переплыть реку в самом широком месте, париться в раскаленной бане... всё это было в его арсенале жизнелюбия), настоящий серьезный ученый, автор обобщенного функционально-статистического критерия эффективности сложных систем. При нем в институте начали защищать кандидатские и докторские диссертации, заработали Советы по защитам, началось крупное строительство новых учебных корпусов, общежитий, построен стадион и летний спортивный лагерь в живописном месте под Винницей, появились разнообразные конструкторские бюро, которые работали большей частью над специальными задачами оборонной промышленности. Конечно, это не только заслуги Кузьмина, но его появление дало толчок ко всем этим достижениям. При этом Иван Васильевич был в те годы человеком грубым, своенравным, не терпевшим чужого мнения. Практически единственным человеком, который мог с ним спорить, ибо по человеческой значимости не уступал Кузьмину, был Виктор Тихонович Маликов и я, как его любимый ученик, часто попадал к Кузьмину на наковальню. Это потом, через много лет, когда он уже перестал быть ректором, мы с ним подружились и я никак не мог понять, какой же он на самом деле – тот жесткий правитель или этот добрый симпатичный старик, готовый всем помочь и всех поддержать. Думаю, что хорошего в нем все же было больше. Ну, а в истории университета его вклад трудно переоценить. Иван Васильевич умер в возрасте 94 лет в начале 2018 года и своими последними словами очень далеко послал медсестру, которая пыталась заставить его выпить лекарство. С ним связано много интересных историй, личностью он был неординарной и очень любо-

пытной. Например, рассказ, как он, будучи адъюнктом Военно-воздушной Академии имени Жуковского, рисовал картинки для знаменитой книжки его учителя Якова Семеновича Иццоки «Импульсная техника».

Представьте себе громадного, абсолютного лысого Ивана Васильевича, который низким голосом с переливами и умилением при воспоминаниях о днях молодости, рассказывает:

– Я ж рисовал хорошо и Яков Семенович поручил мне нарисовать картинки к его книжке, но в эти дни уехал муж одной моей близкой приятельницы, мы с ней сильно загуляли, и я совсем забыл про эти картинки, а когда подошел день сдачи, вспомнил и пришел домой к Иццоки. Он только посмотрел на меня и все понял: «Иван! Ты что не нарисовал?». Я молчу... И тут он как крикнет: «Леночка!». А Леночка это была его жена. Приходит Леночка, и я ожидаю, что он скажет: «Ты посмотри на этого негодяя, который загулял вместо того, чтобы выполнять порученное дело!». Но тут Иццоки говорит спокойно: «Леночка, принеси, пожалуйста, бутылку коньяка и две стопки...». Яков Семенович!!! Какой был человек! Как он понимал людей!

И на глазах старика выступают слезы...

Или история о том, как он случайно попал вечером в Сандуновские бани и оказался там вместе со знаменитыми мхатовскими артистами Яншиным, Грибовым... и эти артисты пили водку, а кильку запустили в бассейн и вылавливали ее там на закуску. После этого «Сандуны» на несколько дней закрыли на чистку канализации.

Выпив, любил попеть: во весь голос, с мимикой и переливами, полузакрыв глаза, но при этом внимательно наблюдая за всеми. Пел две вещи: арию Томского из оперы «Пиковая дама» и «Вьются кудри...».

Характер у Кузьмина был действительно тяжелый – приехал в Винницу он с женой-красавицей, оперной певицей, которая через месяц от него сбежала обратно в Харьков. И на вопрос, почему?

Иван Васильевич обычно отвечал:

– Я ее очень люблю, но ничё с собой поделать не могу...

При всем этом он был серьезным ученым, очень грамотным и глубоко разбирающимся в научных вопросах человеком. Когда я готовил к защите докторскую, то, конечно, не мог миновать Кузьмина. Он ее почитал и пригласил меня к себе обсудить. Обсудили очень детально, он ее хорошо оценил, дал пару дельных советов, а потом, уже выходя, я достал припасенную бутылку армянского коньяка, потом водки, потом... в общем, как в тот вечер с Иваном Васильевичем, я не выпивал никогда в жизни! Всё это происходило быстро, практически без закуски, и в конце Кузьмин сказал:

– Ты знаешь, Рома, я думал сегодня книгу писать, но уже не буду, просто читаю газеты...

А у меня, к счастью, хватило сил добраться до дому, благо, жили мы недалеко друг от друга. И потом Иван Васильевич поддержал меня на защите, а я его поддерживал всю оставшуюся жизнь до самой его смерти, был научным руководителем его невестки, Лены, с большой теплотой относился к его сыну Андрею, к сожалению, прожившему мало, всего около 50 лет, из-за неизлечимой болезни.

В этих своих заметках я вспоминаю только людей, которых уже нет с нами, а про тех, кто живой, когда-то напишут другие.

Портрет старого еврея с кубком

Он давно собирался посетить историческую родину. Во-первых, считал, что там должен побывать каждый еврей, во-вторых, оттуда всё же ближе к Богу, а ему давно надо было с Ним пообщаться, а в-третьих, просто любил интересные путешествия, а в Израиле много чудес, да и многочисленным осевшим там друзьям обещал приехать.

У него даже была мысль, что хорошо бы там умереть, когда придёт на то пора, ведь в семье жила легенда про прапрадеда по материнской линии, который был состоятельным человеком, но в старости всё продал и уехал умирать на Святую Землю...

Но эта мысль была скрытая, т.к. умирать он пока не собирался, и думалось про это в каком-то неопределённом будущем.

В общем, он спланировал поездку, заказал билеты, отели, благо это несложно, а визу оформлять сейчас не надо, в любом случае он по всем параметрам (и материнской линии, в частности) был чистокровным евреем и имел полное право посетить и даже остаться навсегда на исторической родине.

Ближе к поездке мысль о смерти стала приходиться чаще, он, никому не говоря, приготовил мамино и своё свидетельство о рождении для подтверждения своего еврейства. Так... на всякий случай...

Перелёт был несложный, процедуры в аэропорту на удивление необременительными – он просто показал все ваучеры и обратные билеты, которыми запасся, назначив отлёт назад через неделю. Его встретили, отвезли в отель, ну и т.д., а на следующий день с утра – прямо к Нему: к Стене Плача. Кипу он заблаговременно приготовил и привёз с собой. Это была красивая вязаная крючком шапочка, подаренная давно приезжавшим из Израиля другом детства, которая, правда, плохо держалась на его лысоватой, короткостриженной голове, но ничего – он успевал поправлять.

После прогулки по старому городу и посещения Стены, где он попробовал попросить Его о чём-то, что считал важным, и даже помолился с рыжим раввином Давидом, передавшим привет раввину из его родного города со словами:

– Он меня знает, меня все знают, скажете просто: от Давида от Стены Плача...

А потом с другом пошли к старому кладбищу. Он любил старые кладбища, ощущал там какое-то удивительное спокойствие, а здесь как будто окунулся в «море духов», витавшем в этом месте рождения цивилизации.

После нескольких часов блужданий, а друг, знаток иврита и иудейских традиций, читал надписи на могилах и пояснял ему их значение, они вышли к могиле Мордехая бен Шлоймо (Кейсера), умершего в 1929 году и появилась мысль, а не прапрадед ли, но проверить это было невозможно.

В Израиле всё прошло очень хорошо: помолился, побывал в святых для всех религий местах, даже на Храмовую Гору к мечетям забрался, пообщался с друзьями, покупался в море, и мысль о смерти больше не приходила.

Могила возможного прапрадеда почему-то вспомнилась через полгода, когда привычно поехал отдыхать и попить целебную водичку в свой любимый Мариенбад. Гуляя по Русской улице забрёл в лавку антиквара и наткнулся на картину, изображавшую старого еврея в кипе с кубком и бокалом с вином в руке. Она притягивала его и пару раз зайдя в лавку он, поторговавшись с молодым антикваром Давидом Янчиком, который не знал ни автора, ни оригинального названия картины (случайно попала в Мюнхене на блошином рынке) купил её за 1200 долларов и потом волнуясь провёз в чемодане мимо таможни, т.к. боялся, что картину могут счесть музейной ценностью и даже конфисковать. Но пронесло, никто его вещами не

интересовался... Позже он выяснил и имя художника: Хрвой (Хайм) Милкус из Хорватии, но история написания картины осталась загадкой.

Мордехай Кейсер жил в Германии с самого рождения, в Мюнхене, куда его предки переселились из Кёльна, а туда евреи пришли в незапамятные времена – ещё до принятия христианства Римской империей. Кейсеры всегда занимались торговлей тканями и мануфактурой, кажется, были богаты (иначе откуда такая звучная фамилия: «кейсер» в переводе с немецкого значит «император», – и простых людей так не называли), и Мордехаю от отца досталась приличная лавка в центре города, которая, благодаря его рачительности, ещё больше расцвела, несмотря на кризисные времена. Имел двух сыновей: Нехем поехал с отцовскими товарами в Польшу (добрался аж до территории нынешней Украины), влюбился в красавицу Лею и остался там жить (в местечке Стрижавка, впоследствии Подольская губерния, а потом Винницкая область в Советском Союзе и Украине). Имел 4 детей (Адольф, Ида, Хана, Гриша). Стал зажиточным человеком ещё до революции, торговал, ездил по свету, часто бывал в Германии, Австрии, Польше, да и после революции тоже жил неплохо, погромы его миновали, т.к. был добряком и пользовался большим авторитетом у соседствовавших с ним крестьян. После начала войны в 1941 отказался эвакуироваться или переехать к родственникам жены в местечко под Жмеринку, которое находилось под румынской оккупацией, и где у евреев были шансы уцелеть. Сам родился в Мюнхене и не верил в то, что немцы уничтожают евреев, считая это советской пропагандой. Был расстрелян 9 января 1942 года в Стрижавке в числе 216 стрижавских евреев. На его беду гитлеровцы выбрали Стрижавку (маленькое местечко в 10 километрах от Винницы) местом своей ставки на Восточном фронте и зачистки евреев здесь проводились особенно тщательно. По легенде, Нехем сам догнал расстрельную колонну и встал в строй, когда, вернувшись домой, узнал, что его жена и беременная невестка (жена воевавшего на фронте сына Гриши, завершившего войну героем в Берлине и погибшего от пули бандеровского лесного брата уже после войны под Стрижавкой, когда заехал в родные места проститься с сожжённым немцами отчим домом) с двухлетним сыном уведены фашистами на расстрел. На предложение соседей-украинцев спрятаться ответил отказом.

Авраам остался в Германии, был в отличие от отца и брата неприспособленным к торговле, зато много читал, закончил исторический факультет Мюнхенского университета, где и остался преподавать, защитил диссертацию и считался в конце двадцатых, начале тридцатых годов прошлого столетия одним из лучших в мире специалистов по истории Крестовых походов. Есть предположения, что он был связан с масонами и даже занимал высокое место в их иерархии. Сразу понял опасность фашизма и успел в начале еврейских погромов через Швейцарию уехать в США, где до конца жизни преподавал историю в Принстоне. Умер в начале 60-х годов, никогда не женился и сведений про его потомков не сохранилось.

Сам Мордехай в 20-е годы уже был человеком преклонного возраста, жил сначала с сыном Авраамом, а потом один (жена его Рахиль умерла молодой). Но сохранял бодрость и хорошее здоровье, любил выпить и был завсегдатаем Мюнхенских пивных, где и свёл дружбу с юным Хаймом Милкусом, хорватским евреем, художником, зарабатывавшем на хлеб портретами посетителей пивных и изображением кабацких сценок. Именно Мордехая чаще всего изображал в различных нарядах Хайм на своих портретах – с трубкой, с кубком в кипе, с кружкой пива в баварском наряде... Мордехай всегда позировал юному другу, когда у того не было заказов, а потом щедро оплачивал ненужные ему картины. Вот почему сейчас на многочисленных аукционах, где появляются картины ставшего после смерти, как и положено, знаменитым художником Хаима Милкуса в основном изображён улыбающийся Мордехай Кейсер в разных видах и костюмах.

Только одну картину старый Мордехай любил больше и оставил себе на память – он во всегданшем бордовом сюртуке, который носил у себя в знаменитом на весь Мюнхен магазине тканей и мануфактуры на центральной Нойхаузерштрассе с кипой на голове и кубком с шабатным вином в руках. Эта картина висела у него в кабинете в глубине магазина.

Когда в 1925 году Мордехай почувствовал, что подходит его время и принял решение (вернее принял он его давно, но теперь настало время для осуществления) уехать умирать на святую землю в Палестину, то продал магазин и всё имущество, дом оставил сыну Аврааму (тот вынужден был его бросить, когда эмигрировал из Германии), но картину в числе немногих вещей решил взять с собой, однако она при сборах куда-то пропала ...

Мордехай прожил на Святой земле ещё 4 года, а когда умер, то был похоронен на заранее купленном участке старого кладбища на Масличной горе рядом с могилами Пророков, где мечтает быть погребённым любой правоверный иудей.

А картину выкрал, вернее, просто взял на память, его слуга Рудольф, очень любивший хозяина и сохранивший картину не из любви к искусству, а как память о воспитавшем его с юношеской поры Мордехае. Однако вскоре эта картина оказалась запрятана в дальний угол чулана (пришли фашистские времена и изображение еврея в кипе хранить было опасно), сам Рудольф погиб на восточном фронте весной 1944 года где-то в тех же местах, что и Нехем, а картина была случайно найдена через 70 лет его праправнуком студентом – механиком Отто в 2010 году и продана за 300 евро торговцу на блошином рынке, который, в свою очередь, продал её антиквару из Мариенбада Давиду Янчику за 500 евро, а у того она была куплена уже за 1200 долларов туристом из Украины осенью 2012 года. Самое интересное, что этот турист оказался правнуком Нехема Кейсера из Винницы, сыном его внучки Фиры, дочери Иды, и при покупке отчего-то притягивавшего его портрета старого еврея с кубком по наитию сказавшим Давиду Янчику, что этот портрет напоминает ему про расстрелянного фашистами в 1942 году в Стрижавке прадеда или похороненного где-то в Иерусалиме прапрадеда.

Уже вернувшись домой, он разобрался, что эта картина написана известным Хрвоем (Хаймом) Милкусом, стоимость её гораздо выше 1200 долларов, но кто на ней изображён определить было невозможно – какой-то старый еврей, зажиточный купец, да мало ли их было в Мюнхене до прихода Гитлера... Он считал его похожим на своего прадеда Нехема, старая фотография которого сохранилась в семейном архиве, а дальше своей родословной он не знал, а про прапрадеда только какие-то предания и легенды, которые ему когда-то рассказывала бабушка Ида, даже не знал, что прапрадеда звали Мордехай.

Chek out

Лас-Вегас! Он давно мечтал об этом ...

Ему, молодому математику из далёкой Украины, ещё несколько лет назад и не снилось такое, а сейчас он раскинулся на кровати в знаменитом отеле Cezar, и через час у него доклад на Международном конгрессе математиков. Чудо! Вообще все события последнего времени представлялись ему цепочкой чудес – блестящая праздничная защита кандидатской в Институте Кибернетики, где не возникло никаких проблем (а они бывают, и пресерьёзнейшие) – чудо! Потом, это письмо с приглашением на конгресс, куда он наудачу отправил заявку на участие несколько месяцев назад, его ответное письмо с просьбой выделить грант, т.е. оплатить перелёт, проживание и оргвзнос, как представителю бедной страны, имеющему малые доходы, и, наконец, быстрое согласие (тоже чудо!), оформление без лишних вопросов американской визы (чудо! – ведь там каждому второму отказывают), пришедшие по электронной почте авиабилеты, перелёт через океан с пересадкой в Нью-Йорке, и вот час назад он вселился в этот шикарный номер в отеле, а ещё через час уже делает доклад на пленарном заседании – на столе лежит план, как найти конференцзал, и программа с выделенным его выступлением.

Доклад на тему «Численно-аналитическое моделирование преобразований двумерных законов распределения вероятностей в существенно-нелинейных системах» прошёл успешно, и его английский (о чём он очень волновался) выглядел достаточно органично, и презентация на компьютерной системе установилась и прошла без сбоев, и вопросов было много, но все они были понятны, а его ответы одобрительно воспринимались присутствующими, и даже его одежда, джинсы и вельветовый пиджак, ничем не отличалась от того, во что были одеты другие участники, за исключением небольшой группы официальных лиц, облачённых в тёмные костюмы с галстуками. После доклада он побеседовал с молодым шведом, который тоже моделировал двумерные законы, послушал другие доклады, перекусил во время кофе-брейка здесь же в специально оборудованном месте рядом с залом, а к вечеру, освободившись, пошёл гулять по Лас-Вегасу. А там есть много чудес...

Так и пролетели эти три дня: он втянулся в работу конференции, почувствовал себя здесь своим, разговорился его английский, он задавал вопросы, пару раз даже втянулся в дискуссии, а потом гулял, ел, пил, сходил на шоу китайских акробатов, поразивших его какими-то нечеловеческими трюками, в общем, всё делал, как и положено в этом месте. Нет, не всё, он не играл – ни в рулетку, ни в Блэк-Джек, ни даже в автоматах. Не играл, хотя всегда считал, что в рулетку, как специалист по теории вероятностей, может прогнозировать выигрыши. В те несколько раз в жизни, когда он это пробовал, ничего не выходило, но это не поколебало его уверенность, что если взяться за дело серьёзно, то выигрывать можно, и много... Но здесь, в месте, где все только этим и занимались, он почему-то не мог заставить себя, то ли боялся проиграть скудные несколько сот долларов, которые были у него в кармане, то ли психологическое состояние не соответствовало. В общем – не играл.

И вот наступил последний день – в пять после обеда закрыли конференцию, а в два часа ночи уже самолёт в Нью-Йорк, и утром домой, в родную Украину. Он спустился вниз, присел в баре, взял рюмку текилы, ещё долларов сто пятьдесят в кармане было, и стал наблюдать за играющими в рулетку. Вернее, он и смотреть не собирался, и играть не хотел, но вдруг обнаружил, что стоит и смотрит, как развивается игра за одним из столов. Наверное, это была уже не первая рюмка текилы, ведь днем был фуршет в честь закрытия конференции. Но не так уж и много он выпил, чтобы не контролировать своё поведение. Скорее, просто пришёл его час, в жизни это всегда происходит неожиданно. Итак, он купил фишек сразу на пятьдесят долларов и стал внимательно смотреть за игрой, анализируя цифры на табло, где показывались выпав-

шие номера. Он никогда не верил в системы, которые заведомо приводят к выигрышу, хотя много раз слышал рассказы про это, но серьёзно верил только в то, что можно прогнозировать вероятность выпадения следующих чисел, опираясь на гипотезу о равномерности закона распределения всех номеров в рулеточном барабане. Правда, он слышал рассказы одного профессора, который ставил на цвет, удваивая ставку при проигрыше и говорил, что практически не проигрывает, но в следующий раз, на вопрос об успехах в этом деле, тот только махнул рукой и поморщился. Итак, он купил фишки и стал следить за игрой. Рядом стояла какая-то женщина, он не рассматривал её, т.к. был всецело поглощён наблюдением, но почувствовал, что красивая, и тут же отогнал от себя эти мысли. Наконец, он сделал ставку на 27 – десять долларов... проиграл, выпало 18, он снова поставил на 27, на табло в числе последних пятидесяти выигравших номеров не было 27... снова проиграл, выпало 6, и тогда он поставил все оставшиеся фишки на 27 и **ВЫПАЛО 27!** Он выиграл и пошло...

Часа два он не понимал, что с ним происходит, ставил, ставил и ставил, следил только за табло, числа всплывали в голове, он выигрывал почти постоянно, иногда проигрывал. Несколько раз за столом менялся крупье, но всё продолжалось, и общий результат был ошеломляющий – возле него скопилось гора фишек. А она всё время была рядом, впрочем, сначала, когда ему только начало везти, она попробовала уйти, но он, повинуясь какому-то инстинкту, ничего не говоря удержал её, схватив за руку, и она, молча, осталась. Он уже рассмотрел, что это миниатюрная мулатка потрясающей красоты. Или ему только это казалось, ведь всё это время он находился в страшном возбуждении и выпил уже с десятков рюмок текилы. Он посмотрел на часы: 22.30 р.т., а самолёт в два часа ночи, встал, сгрёб фишки на услужливо подставленный кем-то из персонала поднос и направился к кассе. Мулатка была всё время рядом, он держал её за руку, но они так и не обменялись ни одним словом. В кассе сказали, что выиграл он 244 280 долларов и, конечно, всю сумму наличными ему не выдадут. Тогда он взял 4280, а остальные двести сорок тысяч чеком ВОА (Bank of America), который сунул во внешний верхний карман вельветового пиджака. Они, по-прежнему не разговаривая и не размыкая рук, поднялись к нему в номер и...

Такой любви у него не было и никогда больше не будет! Он даже не думал, что такое бывает, а за полтора часа до самолёта, совершенно опустошённый, закрыл за ней дверь, но, тут же, выскочил в коридор, догнал:

– Name?

– Naomi...

– Oh... – ему всегда нравилось, как звучит «Наёми». Так она и сказала: не «Наоми», а именно «Наёми»!

– My phone... – он нашарил в кармане старенький «паркер» и какую-то бумажку, на которой нацарапал своё имя и номер мобильного.

Она кивнула, взяла бумажку, сумки у неё почему-то не было, и ушла вдаль по коридору.

К нему вернулось сознание, он бросился в номер, схватил чемодан, хорошо, что собрал заранее, и побежал к лифту – до самолёта оставалось чуть более часа. Он успел, всю дорогу до Нью-Йорка проспал, глубоко, без снов, потом пересадка в Нью-Йорке, и лишь в небе над Гренландией по пути в Киев пришёл в себя. Первым делом он захотел посмотреть на чек, который сделал его богатым, и теперь в корне меняет всю его жизнь.

Чека в верхнем кармане не оказалось, его не было и в бумажнике, и в других карманах, и тогда он понял, что именно на чеке написал Наёми свой номер телефона.

Он ни о чём не жалел, наверное, оно того стоило, но всё-таки он ждёт звонка...

Авасик

– Ты меня помнишь?– раздался в трубке далёкий голос. – Это Алёша Васнецов, мы дружили в детстве!

– Я помню тебя, Авасик.

– Да! Это Авасик! Ты не забыл... – в трубке замолчали, показалось, даже вздохнули или всхлипнули.

Ему уже говорили в университете, что несколько раз звонил какой-то старый друг из Шотландии, который прочёл информацию на сайте, но не заставал и всё просил мобильный или домашний телефон. Ему в конце – концов дали номер, и вот теперь – Авасик...

Конечно, он его помнил. Они жили в соседних домах и дружили в детстве. Почему-то вспоминались две вещи: как он маленьким выбирал подарок Авасику на день рождения, а потом Авасик перепутал время, и он пришёл с подарком, когда все гости разошлись, а Авасик уехал к бабушке.

Долго стучал в дверь (до звонка он тогда не доставал), наконец ему открыли, он передал подарок, а потом плакал под дождём от обиды. Он плакал всего-то несколько раз в жизни и хорошо помнил когда.

А второе вспомнилось, что Авасик сразу после школы ушёл в армию маленьким и худеньким (он вообще в детстве был слабеньким, и во дворе всегда приходилось его защищать), а вернулся через два года здоровенным парнем с рельефной мускулатурой, мастером спорта по биатлону. Потом он куда-то уехал, говорили, что в Прибалтику, и 30 лет о нём ничего не было слышно. И вот звонок из Шотландии.

– Как там Лох-Несское чудовище поживает? – ничего более умного не пришло в голову.

– Нормально, это тут рядом... я читал, ты профессор. А я живу в старинном городе Стерлинге, у меня бизнес, два сына, мы уже много лет тут.

И Авасик рассказал, как жил в Риге, закончил институт, в конце восьмидесятых занялся бизнесом – стал изготавливать спортивное оружие, был успешен, но с распадом Союза жить-русским в Прибалтике стало муторно, и он переехал с семьёй в Шотландию, перенёс туда бизнес. Два взрослых сына – один юрист, а второй, член сборной Шотландии по стрельбе из лука, чемпион Европы, сейчас готовится к Олимпийским играм. Бизнес в порядке, не то, чтобы особо процветал, кризис всё-таки, но и не бедствует. Сейчас в основном всё ведут сыновья, а он практически отошёл от дел. И, конечно, тоска по Родине...

– Вот собираюсь посетить родные места.

– Приезжай, буду рад, у меня большой дом на берегу реки, помнишь, как мы рыбачили, пацанами, а зимой гуляли с моей бабушкой по льду...

– И я всё боялся, что если лёд проломится, и мы будем тонуть, то она тебя спасёт первым, как родного внука, а меня может не успеть! Да, я всё помню. У меня приглашение от вашей федерации биатлона, я ведь им поставляю оружие, так я через две недели буду в Киеве и обязательно к вам заеду.

И ровно через две недели перед воротами остановился «Ровер» и оттуда выскочил седой высокий подтянутый мужчина, в котором невозможно было узнать маленького Авасика.

Первые два дня Авасик гулял по городу, ему всё было интересно, как человеку тридцать лет не бывавшему в родных местах. Он всё с любопытством рассматривал, спрашивал про друзей детства, с упоением поедал забытые блюда когда-то родной кухни: борщ, вареники, деруны, отведал домашней колбасы, кровянки, но, в отличие от местных, совсем не пил... Авасик показал другу образцы оружия, которыми очень гордился. В доме был оружейный сейф, где стоял

старенький «Ремингтон», с которым хозяин иногда охотился, их туда поставили на время приезда и положили ещё какие-то особые пули – гордость Авасика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.